

Солженицынские
ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва
Русский путь
2012

1

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6
С-60

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Главный редактор *А.С. Немзер*

Оформление *С.А. Астафуров*

Макет *И.И. Антонова*

Репродукции рукописей и фотографии *О.В. Паршин*

© Авторы, 2012
© Лотман Ю.М. (наследники), 2012
© Солженицын А.И. (наследники), 2012
© Чуковская Л.К. (наследники), 2012
© ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2012
© Оформление. ЗАО «Издательство “Русский путь”», 2012

ISBN 978-5-85887-420-1

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ: Из наследия Александра Солженицына

Александр Солженицын

ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ»

*Публикация, подготовка текстов, предисловие и примечания
Н.Д. Солженицыной*

В первом выпуске «Солженицынских тетрадей» мы предлагаем читателю два прежде не публиковавшихся очерка из «Литературной коллекции» и надеемся продолжить публикацию в следующих выпусках¹.

Зарождение «Литературной коллекции» надо отнести к середине 1980-х годов. Зимой 1983/84 в Вермонте Александр Исаевич впервые почувствовал просвет, облегчение давления, которое испытывал от необходимости ежедневной проработки неохватного исторического материала для «Красного Колеса», на что годами уходили все его вечера. Теперь он мог «разрешить себе читать не только для своей работы, но и “просто так”, по выбору, для удовольствия»². Однако, по многолетней привычке читать «с карандашом», он делал пометки на полях (если книга была своя) или точные выписки и попутные суждения, оценки — на отдельных листочках (если библиотечная). Когда таких выписок и пометок собралось много, А.И. ощутил потребность выстроить их в связный текст, — так начали накапливаться записи его впечатлений при чтении разных авторов, и он стал называть это собрание «Литературная коллекция». За два десятилетия набралось таких очерков несколько десятков, первый датирован 1984 годом, последний — 2005-м.

В 1997-м Солженицын начал печатать в «Новом мире» отдельные очерки из «Литературной коллекции». Публикации он предпослал небольшое предисловие без названия (в оригинале над этим текстом карандашная надпись рукой автора: «Объяснение»), где говорит о своих записях: «Я делал это — для себя, без мысли о печатании. Но видя... как ныне выглаживается память о многих примечательных наших книгах, — я склонился напечатать иные из этих заметок,

---

¹ Исходные рукописи «Литературной коллекции» и все последующие редакции находятся в Архиве А.И. Солженицына в Троице-Лыкове. Полное собрание очерков «Литературной коллекции» наряду с другими работами Солженицына о литературе и языке будет напечатано в составе 30-томного Собрания сочинений, выходящего с 2006 года в издательстве «Время».

² *Солженицын А.И.* Угодило зёрнышко промеж двух жерновов // Новый мир. 2000. № 12. С. 154 (гл. 10).

однако уже ничего не меняя в них»³. Некоторые колебания испытывал А.И. при обозначении жанра — записи, этюды, очерки, заметки? — это так и осталось не вполне разрешенным, автор использует в основном два последних определения и так «объясняется» с читателем: «Заметки эти — вовсе не критические рецензии в принятом смысле, служащие оценке произведения в потребность современному читателю. Каждый такой очерк — это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому, — и в мысленной беседе с ним угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он свою задачу выполнил. (А ещё: зорко примечаю лексику автора и в заключение обычно привожу два-три десятка слов и выражений, которыми он в этой книге отменно расширил наш скудеющий языковой поток.)»⁴.

Приводим для удобства читателя свод опубликованных очерков:

- «Голый год» Бориса Пильняка // Новый мир. 1997. № 1. С. 195–203.
«Смерть Вазир-Мухтара» Юрия Тынянова // Новый мир. 1997. № 4. С. 191–199.
«Петербург» Андрея Белого // Новый мир. 1997. № 7. С. 191–196.
Из Евгения Замятина // Новый мир. 1997. № 10. С. 186–201.
Приёмы эпоей // Новый мир. 1998. № 1. С. 172–190.
Четыре современных поэта // Новый мир. 1998. № 4. С. 184–195.
Иван Шмелёв и его «Солнце мёртвых» // Новый мир. 1998. № 7. С. 184–193.
Окунаясь в Чехова // Новый мир. 1998. № 10. С. 161–182.
Феликс Светов — «Отверзи ми двери» // Новый мир. 1999. № 1. С. 166–173.
Пантелеймон Романов — Рассказы советских лет // Новый мир. 1999. № 7. С. 197–204.
Александр Малышкин // Новый мир. 1999. № 10. С. 180–192.
Иосиф Бродский — Избранные стихи // Новый мир. 1999. № 12. С. 180–193.
Евгений Носов // Новый мир. 2000. № 7. С. 195–199.
Двоеньё Юрия Нагибина // Новый мир. 2003. № 4. С. 164–171.
Давид Самойлов // Новый мир. 2003. № 6. С. 171–178.
Дилогия Василия Гроссмана // Новый мир. 2003. № 8. С. 154–169.
Леонид Леонов — «Вор» // Новый мир. 2003. № 10. С. 165–171.
Василий Белов // Новый мир. 2003. № 12. С. 154–169.
Георгий Владимов — «Генерал и его армия» // Новый мир. 2004. № 2. С. 144–151.
Леонид Бородин — «Царица смуты» // Новый мир. 2004. № 6. С. 149–158.
Алексей Константинович Толстой — Драматическая трилогия и другое // Новый мир. 2004. № 9. С. 137–144.

---

³ Солженицын А.И. Из «Литературной коллекции» // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.

⁴ Там же.

Награды Михаилу Булгакову при жизни и посмертно // Новый мир. 2004. № 12. С. 122–127.

Мой Лермонтов // Что читать. 2008. № 1. Сент. – окт. С. 86–89.

Исходные тексты «Литературной коллекции» написаны черной шариковой ручкой на сложенных вдвое машинописных листах с двух сторон мелким почерком. Позже, когда зрение ухудшилось и почерк стал крупнее, Солженицын уже не складывал листы и писал, как правило, с одной стороны, используя оборот лишь для более поздних вставок. Второй редакцией текста становилась машинописная (позже компьютерная) перепечатка, в которую автор вносил правку шариковой ручкой и цветными карандашами. Некоторые очерки имеют и третью редакцию в виде авторизованной машинописи с правкой.

Тексты печатаются без сокращений. Явные описки исправлены без оговорок. Подчеркнутые слова передаются курсивом, ударения и разрядки сохранены.

Солженицын обильно цитирует своих авторов, и следует оговорить особенности его цитирования. Он до некоторой степени подчиняет цитируемое динамике своего текста: устраняет повторы, побочности, рыхлости, которые иногда возникают при «вживлении» цитаты и тем утяжеляют передачу мысли; сокращает цитируемые фразы, не каждый пропуск обозначая многоточием; может изменить падеж цитируемых слов или облегчить пунктуацию, если фраза, объемлющая цитату, этого требует. «Я разрешил себе выиграть действенность через сжатие... текста, иногда и отдельных фраз, — без малейшего, однако, искажения их смысла. Все цитаты истинны, но не все дословны», — писал Солженицын о принципах цитирования в обзорных главах «Красного Колеса»⁵.

В качестве эпиграфа к будущей полной публикации «Литературной коллекции» Солженицын решил поставить созвучную ему мысль Гёте, как нельзя более точно передающую чувства и настроения, владевшие им в этой работе:

«Если о сочинениях или о поступках не говорить с неким любовным участием, с определенным пристрастным энтузиазмом, то в конце концов остается сказать так мало, что лучше уж вовсе молчать»⁶.

---

⁵ Солженицын А.И. Замечания автора к Узлу Второму // Собр. соч.: в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10: Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Кн. 2. С. 531.

⁶ Гёте И.-В., Шиллер Ф. Переписка: в 2 т. / [пер. с нем. и коммент. И.Е. Бабанова; вступ. ст. А.А. Аникста]. М.: Искусство, 1988. Т. 1. С. 186–187.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ¹

В XIX веке в России в литературной общественности веяли порой и такие вопрошения, размышления: вот насытились мы литературой дворянской, последовала за ней и купеческая, и разночинская, — а когда-нибудь придут же авторы и из самой гущи народа (впрочем, уже и тогда пришёл Кольцов) — и каковы они будут? Когда мужик заговорит с а м — что он нам скажет?

Они и пришли — но не в казённо-«пролетарской» литературе, не в сутливой РАППовской колонне. Пришли сначала свежей поэтической цепочкой — но возмущённо подавлены большевицкой властью, да чуть не все затолканы под суд да в ссылку, — и глотки *пролетарские* перекричали их.

С тем вошли мы и в Великую Войну — и во множестве прокатывалась тут *социалистически сознательная* речь, забывая нам уши и сознание. А предожиданный мужик молча поёр не в газетные редакции — а в миллионные, безмолвные красноармейские ряды. И чтоб им проявиться и подать с в о й истинный голос — надо было уцелеть в военной мясорубке, не домереть и в госпиталях — и потом ещё годы и годы возвращаться в сознание и открыть в себе способность к речи и письму.

Среди них — неспешно проявился и Виктор Астафьев. Не прямо он тот, ожидавшийся «от сохи», — нет. Простое сельское бытие отведдал он лишь в самые детские годы. Ранняя смерть труженицы-матери, беспутный гулевой отец («ни к чему в доме соха, была бы балалайка»), впрочем протянутый и через Беломорканал, «раскулачивание» прадеда-мельника, заполярная ссылка деда, ненавистная злая и непутёвая мачеха, беспризорничество, детдомовщина в Игарке, фабрично-заводское обучение, промелькнувший светлый учитель литературы, жажда запоздалых знаний — и пора Родину защищать, натуральнейшим рядовым бойцом. И в 1943 на Днепре — тяжёлое ранение и контузия (и ещё считает, что «везучий»...). И только спустя тому 10 лет — первая книжка рассказов.

Со временем составил Астафьев и своё жизнеописание — не сплошь подряд, а рассыпанное частями по разным его рассказам и повестям. Увидеть это всё в единой совокупности — требует читательской работы. Ранний сельский дух мы почерпнём из «Мальчика в белой рубахе», из «Оды русскому огороду», бесприютность отрочества — из «Бурундука на кресте», «Карасиной гибели», «Без приюта». Иное можно проследить даже обильно, иное достраивать по фрагментам — почти никогда не отнесенных автором к точному году, что затрудняет нам восстановить картину в цельной последовательности. Гуща крестьянского

---

¹ В 2009 году Литературная премия Александра Солженицына была посмертно присуждена Виктору Петровичу Астафьеву — «писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему свет и добро в изувеченных судьбах природы и человека». Небольшой отрывок из ныне публикуемого целиком очерка был оглашен на церемонии награждения 24 апреля и вслед за тем напечатан в «Российской газете» (2009. 27 апр. № 4897 (Федеральный выпуск)).

быта, неизобразимая сторонним пером. Отдушевный детский рассказ, без литературных приёмов и усвоенных навыков. У Астафьева льётся поток лиц, имён, событий, красочных эпизодов, предметов, но без отчётливой расстановки их, не уследивая для читателей ясной связи между ними; поток авторской речи не малословен, а со щедро вставляемыми побочностями; чтобы удержать всё в едином огляде и охвате — в пору поначалу едва ль не над каждым листом процерчивать объяснительные линии родства или времени события, придать всему узанному некоторую дисциплину. Но из цельного охвата выступает перед нами жесточайшее, необласканное отрочество Астафьева.

Эта как бы неупорядоченность, стихийность изложения пропитывает и пейзажные картины, столь важные у Астафьева, — тем чувствительнее, что пейзаж, природная жизнь у него бывают обильны деталями, не видными глазу горожанина (и глаза наших писателей XIX века тоже не различали их). Это — и в таёжном, в тундренном охотничестве — и особенно в излюбленном автором рыболовстве. (Ещё и до Астафьева обильная тема рыбной ловли в условиях советской литературы была выходом для тех прозаиков, которые не хотели угождать советской лжи. Вообще-то, слишком обильное усердие некоторых писателей в мелких и мельчайших подробностях рыбной ловли ощущается мной как чужестороннее посягательство на сферу литературы, это уже выглядит как вне-человеческое, вне нашей общей жизни. Хотя у Астафьева мотив рыболовецкой темы — его истинная, жадная страсть к рыболовству, «с малолетства побратался с водою», — такой перебор, переклон ощущается в ряде и его рыболовных картин. Разумеется, этого замечания никак не отнести к его выдающейся удаче «Царь-рыба», имею в виду не всю сплотку под этим названием, а — отдельный такой рассказ, даже и не весь рассказ, он составной, — а разгар браконьерского азарта и богатырский поединок с богатырским осетром.)

Язык Астафьева так же самороден и стихийен, как и сам он, как и вся его жизнь. Он пишет беспритязно, он не *выбирает*, не припоминает слов, они сами живорождённые выныривают к нему, как безошибочно ожидаемые им рыбины — и приходятся к месту. В «Русском словаре языкового расширения» я привёл сколько-то его чудесных слов², но это — ничто по сравнению с подлинным бы их перечнем.

Может быть, не без избалованности этим самопроявлением языкового строя — Астафьев не раз и не раз проявляет и небрежность к промежуточной, чисто служебной словесной ткани. Вдруг: «не гармонирует, книжно го-

---

² Отвечая на письмо В.П. Астафьева, посланное в Вермонт в конце октября 1989 года, Солженицын пишет: «Дорогой Виктор Петрович! ...Что я тоже внимательный читатель Ваших книг, Вы обнаружите, когда скоро (надеюсь) напечатается мой «Словарь языкового расширения»: Вы обнаружите там немало слов, подсмотренных и заимствованных у Вас (разумеется, и со ссылкой на Вас)» (А.И. Солженицын — В.П. Астафьеву, 28 ноября 1989. Архив А.И. Солженицына). Первое издание Словаря: «Русский словарь языкового расширения» / Сост. А.И. Солженицын. М.: Наука, 1990.

вора», «реализуя продукцию личного хозяйства». Так у него, вне «словяных» блёстков, язык, перекидная фраза выстреливается вдруг в общеграмотную череду. (Это бывает и у молодого Астафьева, и у зрелого.) Или — как бы пародийный юмор: «они снова пали друг другу в объятия»; кочегаря в театральной кочегарке, «подавал жара искусству»; или — безответственно подхваченные сравнения: пассажиры парохода «толпятся на выход будто у входа в божий храм перед молебствием»; или — вставляет неуместно шутивно: «не давая загаснуть свету разума», «их скорбный труд не пропадёт», «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий».

«Без приюта»³

Жестокий, щемящий рассказ о диком детстве, о сиротской бессемейности автора-подростка — мало сказать в полной брошенности, но ещё и в приполярной зиме (Игарка). Вместе с таковым же напарником мальчики отчаянно, но и находчиво, и не сокрушаясь духом, колотятся в беспризорничестве, а значит, держась лишь находчивым воровством пропитания и топлива. Воровали овёс у лошадей, мясо у служебных собак. Сильно ожесточились нравом: хоть поджигай дом обидчика. «Раной ноющая обида на весь белый свет». Набрались и вшей. «Отстающая школа» брошена ими, ещё более отстающими, уже с 5-го класса. Ярко описывает свои метания-скитания, но — из любви к воле («щетина на спине поднимается против казённого дома») автор отказывается, отвергается от детдома, от этой «специсправилковки», даже когда и напарник его, столь же непреклонный, уже сбежавший прежде из двух детдомов, наконец сдаётся — томит тоска по родному селу Овсянка под Красноярском и по доброй мудрой бабушке (мать покойной матери), оставшейся там. Всё ж кончается и у него — детдомом.

«Пир после победы»⁴

Автор поместил этот рассказ вместе со сплоткой рассказов о детстве («Последний поклон») — тем самым выразительно перешагивая и через юность свою, и через всю жесточайше изведенную им войну. Мы сразу — в послевоенной весне — «когда всё казалось радостным и от жизни ждали только радости... Ноги пружинисты, душа пружиниста, голова пуста, внутри всё ликовало... Ни о чём долго не думалось, да и не хотелось ни о чём думать».

Лёгкое дело: всего-то Война за плечами, Четырёхлетняя?

---

³ А.С. читал рассказ по изданию: *Астафьев В.П.* Мальчик в белой рубашке: Повести. М.: Мол. гвардия, 1977. (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами в тексте и на полях.)

⁴ См. примеч. 3.

Этому настроению соответствует и сам рассказ, не размашный по содержанию. Лишь в начале: на первых же возвратных шагах фронтовика по берегу Енисея, по дороге, бывало, всегда и всеми исхоженной, — колючая проволока. И охранник: «Гражданин! Здесь ходить не положено!» Что, военный объект? Да нет, отвела себе участок семья нового тылового чина. И — дальше так, не его одного. Фронтовик упёрся лбом: *там* была проволока, проволока — и *здесь*?.. И — скольких фронтовиков ждут на отвоёванной родине такие новизны. «Да я по этой дороге на войну уходил!» ...В госпиталях — один халат и одни тапочки на всю палату!.. И бинты мотают уже использованные... «Про всё бы сказал...»

И это — не тема рассказа. Пока. (И надолго.)

Да уж тут научились осаживать таких...

И добрёл дальше фронтовик до своих друзей-родственников, те ему: «А-а, наплюй! Совесть в рукавицах у их ходит. На горе да на слезах развелось барыг. Главно — живой остался!»

А вот — чем угощать нежданного гостя? Да чем же? рыбу словить. И, привычно для автора, уныривает сюжет в поимку крупного тайменя — и ярко же! «Топорщились огненные перья рыбины», волнующая, нелёгкая схватка, художественная. Поймали. Да тут — не на одну семью, ещё делить для родни.

И рассказ укладисто переходит в пир на три дня. И сдерживаются, улегаются в груди фронтовика воспоминания о плацдарменных далёких боях: «Через неделю стали всплывать трупы. Табуны разлагающихся трупов таскало по тиховодной реке... На глубину лопаты пропитанный кровью, раскрошенный взрывами клочок берега...»

Да и о других фронтовиках подобных: в те первые месяцы «набравши разгон на войне, распалились, кричали, грозно потрясая дрекольем... Мы так много истребили зла, что верили: на земле его больше не осталось... Не знаю, что бы мы натворили, скорей всего, схватились бы с кем» — да бабы остановили.

Нет, не пора?.. Пока...

Наследство Астафьева — велико по объёму, я не берусь рассматривать его всё сплошь. Но коснёмся нескольких его рассказов уже времени «Перестройки».

«Слепой рыбак» (1986)⁵

Не могу не остановиться на этом... рассказе, окрестил автор, — нет, конечно, очерке, но каком! Он есть изнывающая любовная боль к нашему нынешнему русскому захудалю, к стонущей обречённости нашей земли и жизни.

---

⁵ В каком издании А.С. читал рассказ, установить не удалось.

Для формы очерк соединён, перемежён с излюбленным рыболовством — бодрая бригада ребят-газовиков на своём грузовике, поездка их к глухим озёрам, на ранневесеннюю ловлю, а там и приставший слепой беспомощный рыбак, да вот и одиночка — сам автор. — При весеннем паводке здешняя цепь озёр соединяется в единую сплавную систему и сюда нагрывают сплавщики-мелиораторы, но сейчас ещё нет их.

А есть — на холме село Мурыжиха, с молчаливой многоглавой церковью, в ней ещё несколько семей, «избывающих тут остатние годы, а больше — одинокие старушки — бессменные сторожа и хранители умолкшей русской деревни и заросших пашен, когда-то родливых полей. Остальные деревушки кругом пусты, развалены». А в Мурыжихе «ещё жил и отворялся раз в неделю магазинишко, переименованный в магазин товаров повседневного спроса... от ранешнего магазина в нём остались хомуты и узды для изведённых лошадей, да детские салазки, хотя детей здесь давным-давно не водилось... Бабы забыли, как и что варить, разучились ткать и шить», а копейку на выпивку добывали сдачею потребсоюзу клюквы, грибов и лекарственных трав. Да ещё каким летом приезжали дикие туристы в поисках икон, прялок, самоваров и другой старины. — Заходи в избу — «никто не вернулся с войны на это подворье — ни отец, ни сыновья... Не орал из деревень петух, не мычали коровы, и сама родливая земля, обездороженная, теснимая со всех сторон кустами и бурьяном, сиротски ёжилась... О русская земля! Где предел твоему величию и страданию!..»

Очерк перемежается двумя-тремя рыбацкими эпизодами, среди рыбаков кроме слепого и инвалидный майор. Находятся абзацы для тихо отпразднованной с хозяйками подошедшей Пасхи (в лампадах чадит подсолнечное масло, а мелкие яйца — не от своих кур, крашены отваром луковой шелухи).

А я, отступая от обычной формы вот этих моих этюдов о писателях, не могу удержаться, не выписать дальше из Астафьева целый абзац его вдохновенный, ибо кто когда прочтёт «Слепого рыбака» — и услышит этот умолкший голос?

«Что с нами стало? Кто и за что вверг нас в пучину зла и бед? Кто погасил свет добра в нашей душе? Кто задул лампаду нашего сознания, опрокинул его в тёмную, беспробудную яму, и мы шаримся в ней, ищем дно, опору и какой-то путеводный свет будущего. Зачем он нам, тот свет, ведущий в геенну огненную? Мы жили со светом в душе, добытым задолго до нас творцами подвига, зажжённым для нас, чтоб мы не блуждали в потёмках, не натыкались лицом на деревья в тайге и друг на дружку в миру, не выцарапывали один другому глаза, не ломали ближнему своему кости. Зачем это всё похитили и ничего взамен не дали, породив безверье, всесветное во всё безверье. Кому молиться? Кого просить, чтоб нас простили. Мы ведь умели и ещё не разучились прощать, даже врагам нашим...»

В эту весеннюю ночь автор «долго сидел на крыльце избы... Душа доверчиво внимала этой вешней ночной тишине». А «на утре ощутил нежное при-

косновение к губам первого весеннего дождя, в котором ивовой цветочной пыли было больше, чем влаги».

...А утром — послышалось и увиделось, как перегонщики (один — с транзистором, повешенным на грудь), «парни на лошадях с молодой дикарской безжалостностью секли в кровь бессловесную скотину, как секли пленных иноземцев-русичей раскосые воины, налетевшие в уремье из пыльных степных земель. Телята и бычки, выросшие под крышей, непривычные к табуну, прячась от кнутов, сбивались в кучу, всплывали друг на дружку». Это — гнали молодой скот на откорм, на заброшенные пастбища, пустующие луга.

А двум рассказам Астафьева этих годов — сильно не повезло: они вызвали резкие обвинения автора в «национализме».

«Ловля пескарей в Грузии» (1986)⁶

Это путевой очерк о путешествии автора по Грузии с его грузинскими друзьями и встречах в Грузии. Очерк начинается с юмористического высмеивания советских писательских «домов творчества» — и дальше течёт в облаке тёплого добродушного юмора. Поехал приглашённый: «чтоб ты увидел Грузию не в кино и не на базаре». Просторно описаны знакомства там, встреченное гостеприимство, а вокруг храма в Гелати автор почтительно поднимается до исторической картины тяжкого времени Грузии, когда она подверглась монгольскому нашествию.

Однажды сопровождающий автора грузинский друг настойчиво показывает: «Смотри на этот Грузия, на этот грузын. Народ по рукам надо знать, которые держат мотыгу, а не по тем, что хватают рубли на рынке». Это он отвечает на прежние слова автора о том «всем надоевшем типе, который торчит по всем российским базарам, вплоть до Мурманска и Норильска» (и почему-то на каждом захолустном базаре — о д и н, это правда, как будто кем-то предусмотрено и устроено, вне конкуренции), «обдирая доверчивый русский народ подгнившим фруктом».

И, Боже мой, что же вспыхнуло от этих базарных наблюдений, какая сотрясательная общественная буря! Как раз шёл съезд Союза писателей СССР. Грузинские делегаты (и не только они) потребовали от Астафьева немедленного нижайшего извинения! — и вся грузинская делегация продемонстрировала уход со съезда. И вслед за тем любая газетная глотка вопила о позорной националистической выпадке писателя. И — несколько лет не забывали (сейчас, ниже, вернёмся).

---

⁶ В каком издании А.С. читал рассказ, установить не удалось.

«Печальный детектив» (1986)⁷

Повесть эта (автор назвал её романом) — из самых общественно насыщенных произведений Астафьева. Она выпукло рисует нам нравственное состояние целой эпохи в жизни русской провинции, какой она была к концу эпохи советской (нашлось место и для замученного колхоза) — и на переходе к «перестроечной», с её обновлёнными признаками искажения. Эпитет «печальный» в заголовке — слаб для главного персонажа Сошнина и слишком слаб для всей удручающей окружающей обстановки — в густой массе расстроенной, расхлебавшейся, искорченной жизни, во множестве примеров того, живописных случаев и характеров.

Уже в то время «блатной» лагерный дух — победоносно вторгся в бытие советской «воли». Удачно для наблюдений над тем выбран герой — милиционер по угрозыску. Тянется, тянется цепь преступлений, уголовной резни. Городские парадные, внутренние лестницы — беззащитны от воровского присутствия, пьянок и грабежа. Целые бои на этих лестницах, типы хулиганов и свинячество. Юный сопляк заколол троих невинных — и тут же, рядом, с аппетитом ест мороженое. Соответственно весь город (немалый, с институтами) содержится в распустейшестве и грязи, и вся городская жизнь в распушенности. Веселящиеся «отряды» молодёжи насилуют женщин, даже и глубоко пожилых, кто подвернётся пьяному. Пьяные угонщики машин, а то и самосвалов сшибают и давят народ десятками. А «продвинутая» в нравах и модах молодёжь щеголяет в перехваченном стиле по мусорным улицам. — Но с особенной болью, часто, и с наибольшим вниманием пишет Астафьев о загублении малых детей, уродливом воспитании их, и особенно в расстроенных семьях.

Порой (как и в других своих текстах) Астафьев обращается с прямым нравственным обращением к читателю, с вопрошением о природе человеческого зла, то — с трёхстраничным монологом о значении семьи, заканчивающем эту повесть.

К сожалению, и в этой повести автор разрешает себе беспечную вольность в порядке выбора изображаемых эпизодов: в общем строении повести не воспринимаешь цельности, даже и во временном порядке следования её, возникают как бы произвольные перепрыги и перекосы эпизодов и персонажей, мелькают мимоходные, неотчётливые, сюжеты дробно разрываются. Этот недостаток усугубляется ещё и частыми побочными отступлениями, анекдотическими (тут и рыболовные анекдоты, конечно) отвлечениями (и уж просто несмешными анекдотами) или ироническими фразами, в разнотон с текстом. Это дробит и ощущение жестокой угрюмости всей обстановки и нарушает цельность языкового потока. (Наряду с ядрёным блатным жаргоном, народными присказками — вдруг обильные цитирования из литературы — и безнадобные, засорительные

---

⁷ А.С. читал текст по изданию: *Астафьев В.П.* Падение листа: Роман, очерки, рассказы. М.: Сов. писатель, 1988. (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами в тексте и на полях.)

выражения из письменной речи — вроде: «ни на что не реагирует», «изъять из трудового коллектива», «приводить к конфликтам», «большую драму пережить», «тонкости педагогического характера», «ждёт милости от природы»). Не создаётся авторского стиля, подхватывается язык какой придётся.

Сам Сошнин — боевой оперативник, едва не потерянная нога в одной схватке, едва не умерший от ржавых вил бандита в другой и, один против двоих, безоружно одолевший двух крупных бандитов, — это при мягком характере и добрых чувствах, — он очень хорошо виден и нов в нашей литературе. Но совсем неприкладно добавил ему Астафьев — начинательное писательство да и чтение Ницше по-немецки. Не то чтоб это было невозможно, но — не органично родилось: в пере, мол, Сошнин разогнался из-за многочисленных объяснительных записок, а там, смотришь, поступил на заочное отделение филфака пединститута. Да, душа его стремится к свету, но слишком перегружена мерзостями текущей жизни.

Но, уже воистину анекдотически, эта причастность Сошнина к филфаку — дорого обошлась автору. В мимоходной фразе упомянуто о Сошнине, что он на филфаке «маялся вместе с десятком местных еврейчат, сравнивая переводы Лермонтова с первоисточниками» — добродушнейшее сказано! — но благополучный столичный исследователь пушкинской эпохи Натан Эйдельман — изобретательно вывинтил из этой строчки и огласил на весь Советский Союз (а дальше это загрело и на Западе), что Астафьев сказался тут как гнусный националист и антисемит! Но повёл профессор умело: сперва, конечно, с боли за оскорблённых грузин, а следующим переступом — на эту ужасающую строчку.

«Людочка» (1989)⁸

Как предупреждает нас автор, этот рассказ — об истинном происшествии где-то в середине 70-х годов. Но, прочтя, нельзя не ощутить, сколько душевной силы и сколько художественного видения вложено им самим. А по широте жизненного знания, сгущённого в этом тексте, и по напряжённости нравственного чувства как в гневе на зло, так и в тяготеньи к добру мы, пожалуй, могли бы угадать и имя автора, не напиши он его сам. И каково же многополное знание и советской городской жизни в её гоможеньи, и необратимости деревенской гибели, и, вдобавок, блатного уголовного типажа! Этим содержанием рассказ богат, плотен и вместе целен.

---

⁸ А.С. читал рассказ в журнале «Новый мир» (1989. № 9). (Библиотека А.И. Солженицына; с пометами в тексте и на полях.) В письме Астафьеву Солженицын пишет: «Страшна — глубина падения народного состояния, которую трудно определить и измерить (да у Вас она и в “Печальном детективе”, и в последней “Людочке”, этот “парк ВПРЗ”!). Если Бог пошлёт нам выздороветь, то ведь в лучшем случае нам надо на то 100 лет, а то 150» (А.И. Солженицын — В.П. Астафьеву, 28 ноября 1989. Архив А.И. Солженицына).

Людочка — колхозная девушка, слабенькая от рождения, росла вялая, скромная, в деревенской средней школе «не выходила из троечниц, но и до сплошных двоек не опускалась. Домаяла десять классов» — и мать указала ей ехать в город, в деревне делать нечего. Скромная, «с припрятанной застенчивой улыбкой», девушка пыталась стать ученицей у парикмахерши, но не одолела мастерства и больше служила у неё уборщицей. Людочка покорно терпела и насмешки более успешных подружек, и своё городское бесприютство.

А главное место действия рассказа — погибающий Парк вагонно-паровозного депо, типично советское создание — «насаженный в 30-х годах и погубленный в 50-х». Через весь парк надумали класть трубу с горячей водой, канаву проложили и часть трубы — да не закрыли. Потекла горячая речка с радужными кольцами мазута, с мыльной слизью, потом зловонной тиной, оттого стали облупляться и сникать соседние деревья. Через канаву перебросили мосток, да перила к нему всё не стояли, отваливались. В канаву стали бросать разные отбросы, устоялась вонь, да рядом пошли поросли дурнейшего бурьяна. — А само собой стояли по парку бетонные скамьи для отдыха граждан, «в парке было черно от ворон и галок, ор вороний оглашал окрестности». — На железной эстакаде раньше вешались портреты вождей и лозунги, потом не стало их. Ещё были забытые столбы для волейбола, ещё — решётчатый загон для танцев молодёжи. Там по вечерам «трещала, гудела, грохотала музыка, помогая стаду в бесовстве и дикости».

Через этот Парк Людочке приходилось ходить, она не боялась; однажды затащили её на танцы, с испугом вырвалась. А однажды зацепил её освобождённый из лагеря гнилозубый уркаган Стрекач — и дальше ни вид его, ни наружность, ни поведение, ни окружённость блатной мелкотой — уже не поддаётся нашему цитированию — это зримая, осязаемая, красочная, даже несравненная картина, отчётливо переданная Астафьевым, в чём и центр рассказа. Стрекач поймал за поясок плаща проходившую Людочку, пытался усадить к себе на колени, девушка не садилась, Стрекач перекинул её через скамейку в бурьян — и сам за ней на четвереньках, и лицом её в землю и битое там стекло, чтоб не кричала. Но она нашла в себе силы вырваться и кричать на бегу. О помощи нечего было и думать. Добежала до парикмахерской хозяйки, очнулась уже у неё. Та успокаивала: «И родится баба не под нож, а под совсем другое. Ну сорвали плонбу, подумашь, экая беда. Нонче это не изьян, нонче замуж какую попало берут». Но упредила — не жаловаться на Стрекача, а то «мою избу спалят». Тогда Людочка: «Я к маме хочу». Хозяйка отпустила на день, на два — та деревня близко, электричкой.

...А от деревни родной осталось всего два целых дома, один — материн, а с ней отчим. «Вся деревня, задохнувшаяся в дикоросте, — в закре-

ценных окнах, с разваленными оградами дворов и огородных плетней, с угасающими садовыми деревьями, с дико разросшимися меж изб тополями, осинами». (Соседка, сама при смерти, пророчит: «Этак вот, одна, середь России кол вобьют, и помянуть её, нечистой силой изведённую, некому будет...»)

Мать, сама беременная, хотя уже за сорок, сразу увидела, что с дочерью беда: бледная, лицо в ссадинах, на ногах порезы, осунулась, руки висят. А за догадкой — и материно суждение: «Через ту беду не беду все бабы поздно или рано должны пройти. И каждая баба сама же с бедой и совладать обязана, потому как от первого ветру берёза клонится, да не ломается». — Людочка пошла корову подоила, помогла матери к возврату отчима обед собирать. Отчима она мало знала: он недавно появился в их деревне. Он не обижал Людочку, но и доброты не проявлял. Мать о нём: «С малолетства в ссылках да в лагерях, под охранским доглядом. Жизнь его была ох-хо-хо. Но человек он порядочный».

А на следующее утро Людочка опять уехала в город. Хозяйке парикмахерской сказала: «Хорошо, я в общежитие пойду жить».

Дальше Астафьев проводит Людочку через страдательное воспоминание: когда-то, сама больная, она в больничном коридоре сидела ночью около умирающего парня-дровосека. Сочувствовала ему, но, как ей теперь казалось, не в полной полноте. Так вот и к ней теперь — городские на танцплощадке. И её хозяйка. Да и её мать.

Но через Парк продолжала ходить, не боялась. И присмотрела близ тропинки — тополь с большим корявым суком.

И повесилась на нём.

Хоронить её в родной деревне не решились: «сотрётся с земли пристанище, объединённый колхоз запашет кладбище под одно поле». Похоронили на городском, со стандартными знаками.

Сколько бы ни подлиннен был рассказ досюда — окончание к нему, я полагаю, Астафьев приложил от себя, давая волю своей жажде справедливости: что отчим Людочки нашёл Стрекача в Парке (его и искать не надо, он себя выставляет), обезоружил и швырнул в зловонную канаву. Блатная свора Стрекача не решилась отстоять своего пахана и не сумела захлебнувшегося — вернуть к жизни.

В отчёте областного УВД для уменьшения процента преступности смерть Стрекача отнесена к самоубийствам.

Очень достойный рассказ — и какое свидетельство о позднесоветском времени. Не велик — а сколько вместилось.

«Прокляты и убиты»⁹

Ещё в ходе войны 1941–45, а после неё ещё в большем множестве и густоте — потекли стихи, поэмы, рассказы и романы об этой грозной и протяжной войне. И стали иссякать, может быть, только к концу XX века. На первый взгляд может показаться странным, что Виктор Астафьев, на себе испытавший злейшие условия этой войны, раненый, контуженный, едва не убитый, — едва ли не 40 лет своей литературной деятельности почти промолчал о той Великой войне, разве изредка обмолвками. И только в 1990 годы внезапно — и опоздав от стольких? — выступил с двухтомником «Прокляты и убиты».

Отвергаю всякую мысль, что Астафьев сознательно молчал, понимая непроходимость своей книги через цензуру. Тем более — из соображений комфорта: не обнажиться? Не таков, не таков его характер! Астафьев — затяжно молчал по не им выдуманному закону русских народных уст. Наш народ, сквозь всю глубину своей истории, и всегда опаздывал высказаться, разве только в певучем фольклоре. Астафьев был *переполнен* всем пережитым настолько неисчерпаемо, что должен был испытывать человеческое бессилие выразить всю эту за-человечность, да ещё соревноваться со множеством легко скользких изъяснений. И когда же он опубликовал? В свои 70 лет, одноглазый инвалид, далёкий от успешливых столиц.

И книга его выступила столь невозможной к привычному приятию, что общественности оставалось лучше не заметить, не слишком заметить её — либо неубедительно громить как «клевету». Перевесило первое.

Картину войны Астафьев с жестокой верностью начинает с запасного стрелкового полка перед Новосибирском — в месте мало сказать неприспособленном для человеческого житья — со свирепой обстановки сырых подвалов в лесу, по сути, без устроенных уборных (взамен — окружный лес), без устроенного отопления, без бань — пещерный быт, где меры санитарии — хлюпающий на полах раствор карболки и хлора. В эти «казармы», вот, в конце 1942, зимою привезли 18-летних новобранцев, сплошь подметая сибирскую ширь от 1924 года рождения. (Дыхание растревоженных народных недр! — от старообрядческой глубинки до самых современных блатных урок.) Ужасающая картина грязи и неопрятности — и это названо *карантином*. Спустя время, по отправке маршевых рот на фронт, — карантинных переводят в освободившиеся, но не лучше устроенные помещения отправленных. Обмундирование и обувь не подогнаны по размерам, кого во что попало, ещё мажут какой-то зловонной дезинфекцией в волосяных местах.

---

⁹ Первый вариант очерка об Астафьеве Солженицын написал в 1997 году: он ограничился в нем разбором второй части романа «Прокляты и убиты». В существенно переработанном виде этот вариант вошел в настоящий очерк. А.С. читал первую и вторую части романа в журнале «Новый мир» (1993. № 10–12; 1994. № 10–12. (В библиотеке А.И. Солженицына последние три номера журнала — с пометами в тексте и на полях.)

Кишат вши (и только с умерших уползают сами). В непрогрываемой бане не отмыться. В котёл засыпают картошку не только нечищеную, но не отмытую от земли. И сквозь такой леденящий быт защитников родины обучают на «плацу» (перекопанное поле) с деревянными макетами винтовок — да на соломенные чучела «фрицев». (На упавшего: «встать, негодяй!» — и пинают ногами.) В таких условиях, пишет автор, «половина делом занимается, а половина промышляет себе харч» (разгул для урока!). (Доходит, что жители — с дрекольем и топорами защищаются от воров.) Появляются доходяги, а на переходе к весне — запасников массово охватывает «куриная слепота». Повальная беспомощность всех, «вялое согласие со всем происходящим». Да «скорей бы уж на фронт», «дальше фронта не пошлют, хуже, чем здесь, содержать не будут», «к одному концу, что ли». — Поставленные на переборку овощехранилищ — воруют картошку, но где её испечь? Искитряются спускать на весу в искрящие трубы офицерских землянок — и какая перегоревшая и какая полусырая — лопать до поноса. (Астафьев не раз называет эти казармы «Чёртовой ямой», так назвал и первую половину книги.)

Но для подточенных в здравьи запасников ещё же заботливо, регулярно текут политзанятия. Астафьев цитирует и куски из сводок Информбюро — теперь снова поражающих нашу забывчивую память: какие страшные потери несут немцы, сколько уничтожается у них ежедневно танков и орудий! — только не названы места боёв, населённые пункты, тёмный туман для разъяв. Но сами по себе политзанятия — это «благостный уют» для солдат: пока политкомиссар журчит, как заботливо «страна и партия о тебе думают», каждом, — а запасникам хоть сколько-то посидеть в покое и относительном тепле. (Однако комиссар углядывает их дремоту, временами командует: «встать! сесть!») А ведь кто — и верит этим победным сводкам, а 7 ноября, после чтения сталинской речи — поразительно! — «у запасников текли слёзы», а «расхотелись с дружной грозной песней». (А само собой — насильственное пение под маршировку голодных и обессиленных).

Всё это течёт у Астафьева не как литературное изложение, не как литературная претензия, но — как изболелая память о натуральной жизни, его измучивает, переполняет жестокое реальное знание. Автор выделяет с дюжину бойцов, о которых пространны отступления — и настолько иногда, что предыдущую их жизнь вставляет даже отдельными главами. (Выпукло, подробно выведен нескгибаемый старообрядец великан Рындин. Себя автор как бы убрал из книги.) Этот метод усиляет наше плотяное ощущение и от 18-летних бедолаг. Где сильно раздражается — и даёт себе прямую волю выражаться от своего имени: «этот пройдоха, наглое рыло, припадочно брызгая слюной, пройдошистые наклонности, моральный урод, чучело...»

Вот эти крупные авторские отвлечения во времени — весьма обогащают читательский взгляд (а самому Астафьеву дают протоки для боли прошлого). Тут и раскулачивание казаков по всему Иртышу и Оби. И как *спецпереселен-*

цы мёрли в баржах при сплаве их на Север. (И как откупали жертвы у конвоиров; одного малыша, чужого ребёнка, красивая женщина спасла уступкой своего тела конвою, а случаи такого откупа мы знаем и другие.) Сюда попадают и «спецпереселенцы» в Архангельске. Много горестных семейных биографий. С сочувствием и правдой о раскулаченной семье: «Зла не помнящие, забитые русские люди — деликатности где же они выучились?» — Сюда попадает и бой под Хасаном — и с подробностями, вероятно доселе не освещёнными: как курсантскую роту, бессмысленно продержав её сутки под дождём, — послали в атаку на сопку «вдребезги разбить зарвавшихся самураев, неуязвимой славой покрыть наши знамёна» — и измученные курсанты «шли на крутой склон в лобовую атаку, а японцы расстреливали их с высоты, не допустили до штыковой схватки». А вслед, на переговорах японцы куражились над самодурствующими советскими правителями и получили все компенсации. (А в советской памяти осталась... славная наша победа.) — И многие ещё, от очевидца, подробности беспорядка в Красной армии. — Тут и память своего помкомвзвода, выздоравливающего от ранения, — о боях под Смоленском в 1941: «свежие части, опоздавшие к боям за город, смела лавина отступавших войск», вовлеклись в её паническое движение. «Пробовали закрепляться на слабо подготовленных рубежах, но тут же наступало людей проклятое слово “окружение” — и они кучами, толпами, табунами и россыпью бежали». «Лучшие бойцы погибали, не увидав врага, не побывав даже в окопах».

Такие глубокие отступления в сторону, весьма свойственные перу Астафьева, часто нарушают конструкцию книги, но и всегда же обогащают содержание новопривлекаемым материалом. Вот мелькает генерал Лахонин, представитель Воронежского фронта, ожидающего пополнения от нашего стрелкового полка (и разумно отставляющий от отправки самых слабых, пусть полечатся). Между тем он вспоминает и Тоцкие лагеря в Оренбуржье — посвирепей, чем наш тут. Там они — в пустынной степи, стройматериал для казарм — ивняк и кусты, из них — и трости вместо палок для «ружейного» макета и опора для доходяг. Запасники спали в песке и пыли, не раздеваясь. Песчаные бури, эпидемия дизентерии. «Случалось, мёртвые красноармейцы неделями лежали забытыми в полуобвалившихся землянках, а их пайки получали живые. Чтоб не копать могил — так в землянках и зарывали» — «Раскапывали могильники павшего скота, обрезали с него мясо». И «никто из проверивших не решался доложить о гибельном состоянии и настоять на закрытии такого военного городка: все чины накрепко запомнили слова товарища Сталина, что “у нас ещё никогда не было такого крепкого тыла”».

За тяжкие месяцы своего пребывания в запасном полку запасники всё более понимают бессцельность своего существования тут: никакой стрелебной учёбы, ни тактической нет, всё с макетами, не такая же война на самом деле. А выгоняют из казармы по подъёму. Первобытная жизнь. Всё такие же

слепокурые солдаты, поддерживаясь за стенки, бредут если не на помойку, за очистками и картофельной кожурой, то норовят в казармы, а там ещё драки за места на верхних нарах. Число доходяг в полку растёт. Когда роте выпадает дежурство по батальону на кухне — все кидаются набить рты чужим съестным, и диким искусственным лярдом вместо натурального жира.

Вдруг в эту казарменную жизнь одно за другим врываются два трибунальских заседания. Первое из них быстро кончается победой подсудимого блатного и таким беспомощным опозорением трибунала, что сперва весь эпизод кажется выдуманным: так не бывает! (А отчего бы *социально близкому* и не одержать верх?) Но вскоре следующий второй трибунал «исправляет» впечатление: доподлинная расправа над беззащитными простакнами, рядовыми, двумя братьями Снегирёвыми. Их родное село от казарм — верстах в тридцати, и они по простоте смекнули сходить домой в непогоду. (Тут и мамка написала о домашней радости: корова отелилась!) Но отлучка их длилась до двух суток (вернулись с угощением для приятелей), была засечена, оформлена в особом отделе — и уж тут-то трибунал не пошатнулся: расстрелять обоих, немедленно и публично. Многие, и сами приговорённые, сперва не поверили: пугают, смягчат. Как бы не так! И этот расстрел, подробно описанный Астафьевым, жесточайшей картиной врежется в русскую словесность. (А мать расстрелянных вослед посадили в тюрьму, где вскоре сошла с ума.) И такого ошеломления не испытывали наши читатели, полвека воспитанные на советской «военной прозе».

Многочисленные объёмные и разновесомые отступления, конечно, ломают общую конструкцию, композиция не скреплена, да и язык книги не лёгок, фактура текста становится тяжела. От ранних произведений Астафьева приугасли и уменьшились в числе те стихийные языковые вспышки, яркие саморождённые слова. Авторская речь подтянулась к затёртому деловому изложению, чередованию уровней его, иногда мелькают непроработанные комплекты, как «окружающая действительность», «отрицательно влияла», «не желавший отставать от передовой культуры», «учёно говоря, истратившие энергию», «смятение в боевых рядах» (при подъезде генерала), «согласно историческому моменту». И прямо объяснительные фразы, как «Сталин привычно обманывал народ, врал напрапалую в праздничной ноябрьской речи», «наш любимый крещёный народ — на рельсы передового опыта», да нередко и неуместная ирония, попытки невесёлых шуток: «порицался передовой общественностью», «чуждый идеям пролетариата», «неусыпно трудящийся на ниве поддержания боевого духа». — А свою неприязнь часто выражает напролом, в лоб: «ловкие ярыжки с лицами и ухватками дворовых холуёв», «при разгуле бесовства, в царстве юродивого деспота». Не силится упорядочивать склад фразы. — Иногда — цитаты из молитв старообрядца (оттуда почерпнуто и название всей книги, по неизведанному обрубку: «И будут Богом прокляты и убиты» — вот откуда).

Последние главы «Чёртовой ямы» внезапно приносят нам облегчительную смену всей атмосферы. Это вот отчего: две роты (за которыми автор следил детальнее) перебросили в совхоз под недалёким Искитимом на запоздалую уборку погибающего зерна (типичная картина для сёл первых двух военных зим, обнажившихся от мужского труда, — это и важнейшее, чтоб увидеть нам всю обстановку цельней): какое зерно осыпалось в морозы, какое отсырело в оттепели. Сломанные трубочки стеблей — «словно бы тлели день и ночь поминальные свечки над усопшим хлебным полем, уже оплаканными слезами зёрен». В хозяйстве того совхоза уже «ото всего веяло тленом», «комбайны походили на допотопных животных, которые брели, брели по сниклым хлебным волнам и остановились, удручённо опустив хоботы». Солдаты-запасники оживляются, окрыляются — отрывом от «казармы вонючей, тёмной, почти уже сгнившей, могилой отдающей», и получением здоровой крестьянской еды, и от обильного девичьего присутствия. Но больше всех оживает душой сам Астафьев — от окунания в родимую сельскую обстановку. И вообще всегда склонный к отклонениям от повествовательного стержня — здесь Астафьев охотно отдаётся как бы даже полной смене жанра: глава за главой льётся по э м а сельского житья. Тут — место и для спасительного труда, и для песен, для молодёжного ухаживания, клубных танцев. А уж тут у автора засверкала и природа, он размахивается взглядом, речью и душой — на всю историю земледелия от его зарождения в человечестве — когда «планета росточками прикрепит человека к земле, наградит его непобедимой любовью к хлебному полю, ко всякому земному растению». И — век за веком, когда «воспрянул на земле стыда не знающий дармоед» и «плевал в руку, дающую хлеб», «принёс бесплодие самой рожалой земле русской, погасил смиренность в сознании самого добродушного народа». «Неизвестно перед кем провинившаяся земля. А виновата она лишь в долготерпении». В этих размыслительных соображениях прочтём и о «галифастых пьяных комиссарах», «расхристанных бандах, орущих о мировом пролетарском равенстве». Тут, поблизости, сообщаются нам и подробности быта волков, да, для равновесия ко всему, не забыть же и интеллигентную жизнь: один в роте солдатик-армянин, и к нему приезжает мать, соответственен и уровень их разговоров. — Вдруг — эпизоды добродушного юмора, вдруг — и лирические.

А счастливые дни утекают — и приходит час этих детей нарымских спецпоселенцев «бросать в огонь войны, будто солому навильником». Пока Воронеж ещё не весь сдан немцам (остался малый клочок города), формируется Сибирская стрелковая дивизия. Подлечивать бы больных солдат — да нужно опростать казармы, подпирает набор 1925 года рождения. Но — когда же *этих* учить бою «в обстановке, приближенной к боевой»? Ещё свежи у всех в памяти казнённые братья Снегирёвы... Маршевые роты вдруг одевают в настоящее боевое обмундирование, они преобразены! Из села ухо-

дят в обнимку с девушками. Предотходно прорвалась «Ревела буря, дождь шумел», так дружно ещё им не пелось за «подлый казарменный быт, быдловое существование». Через эту прощальную песню прорвалось «скрытое в этих юных ребятах могущество». И только среди них помкомвзвода, уже побывший на фронте и раненый, заплакал от песни: «он знал, что ждёт тех певцов на войне». — Кто и крестит их вослед (крестить теперь — неудобно, не положено, даже взрослые крестьяне не все отваживаются.) — Напутствует разъединный политкомиссар — и взмывает духовой оркестр. (Отправляемым сейчас — в военный городок под Новосибирском, в старые дореволюционные казармы — «кирпичные, с толстыми стенами, сухие, тёплые, просторные, со множеством служебных комнат, умывальными, туалетными»... Повидают, как было при царе. И автор широко вздыхает вослед: «Русские люди, как обнажено и незлопамятно ваше сердце!»)

В самом переходе из тыловой половины книги во вторую, фронтную, Астафьев, естественно, не мог удержаться в точке видения, понимания и языка простого рядового солдата. Этот переступ месяцев на восемь, через разгар бурного 1943 года сразу вплоть до его осени, мог быть изложен только редким пунктиром — в понимании генеральском и в терминах общих сводок («с честью выполнили задание» и т.п.) — да поди удержишься от всеобщей манеры. Впрочем, в перемежку с тем, — и о замолчанной у нас (и до сих пор забываемой) разгромной битве вокруг Харькова, весной 1943: «Вместо одной шестой армии Паулюса, погибшей под Сталинградом, задушили в петле, размесили в жидких весенних снегах шесть советских армий», «ещё ретивей драпали доблестные войска», немцы, замкнув кольцо, «взяли в плен сразу двадцать штук советских генералов», «Россия не перестаёт поставлять пушечное мясо». (Да, для таких у нас *печатных* суждений — таки-надо было выждать полвека...) А дальше, к лету, нам уже известная Сибирская стрелковая дивизия, при уже известном ген. Лахонине, «перешла к жёсткой активной обороне», с ней и артиллерийский полк майора Зарубина, тоже известного нам из первой части.

Через всю разноречивость этих откровений — автору надо же к началу осенних действий на Днепре — дотянуть в целости сколько-то же своих персонажей из первой половины книги. А они уже многие припогасли и растворились. Но после всех истощений досталась им и покойная некроткая стоянка весной в очищенной от немцев «республике немцев Поволжья». Всё ж вздоровились они от полосы запасничества — и вот готовы воевать дальше. (Тут и — несмешной, даже ёрнический юмор их межсобоиных разговоров.) Тут — и уцелевший командир их роты Щусь (тот самый, мальчиком спасённый когда-то, в раскулачивание, конвойным с енисейской баржи) — а теперь уже командир батальона, капитан. А боец Лёшка Шестаков, в 1-й части

скромно проведенный вторым планом, — теперь, как бы опытный связной, стал старшим телефонистом гаубичной батареи, тем самым в центре предстоящего боя на Днестре.

Весь этот переход через 1943 год не мог быть дан стройным в изложении, тем более при органической манере Астафьева на отвлечения — пейзажные (тоска Лёшки по Оби в сравнении с Днестром), на солдатские да и командирские пересмешки, и их предыдущие семейные истории, или их вяловатые философские рассуждения (не без цитирования Мережковского...). В совокупности все эти эпизоды (ещё ж и отмахивание от политруков — о чём тоже забывать не следует) создают медлительную растянутость. Письмо размашистое, несдержанное, переходы от куска к куску не размечены чётко, единого сквозного стиля не спрашивай, работа идёт как бы не резцом, а сильно разлохмаченной кистью. А Днестр — вот, перед нами, переправляться неизбежно — да с оружием и с тяжёлыми телефонными катушками — на чём? все рыскают за «плавсредствами», ломают сараи ради досок, — а Лёшка угадливо находит спрятанную лодку — и скрывает её от соперников дальше. И на всё это — ушло много, много страниц.

Плавсредств — нет, и ни откуда их не пришлют — плыть-таки на своих животах. И ждать нельзя: противник всё укрепляет свой берег. Отправлять через реку взвод разведки — взвод смертников, и, уже при начале артподготовки, батальону начинать переправу на крутой правый берег, а там пробираться, подниматься по оврагам — к немецким высотам. Но при ночной операции — что предусмотреть?.. Первым намеченным переправщикам «давали наперёд водку, сахар, табак и кашу без нормы». А замполит полка открывает партийное собрание — спешить в последний миг принимать бойцов в партию — «не посрамить чести советского воина! до последней капли крови! за нами Родина! товарищ Сталин надеется». (Иные и забудут про этот приём — а потом по госпиталям и после войны их будут искать, собирать наросшие партвзносы.) — И ещё тут, в последние часы перед началом ночной переправы, — Астафьев проявляет на трёх-четырёх страницах терпение изложить давнюю малозначащую встречу двух совсем второстепенных персонажей. И ещё тут не всё. Астафьев испытывает постоянную духовную жажду время от времени, в момент, который он считает важным, прерываться в изложении, — для своего прямого морального обращения к читателю. Так и тут, перед переправой: «Как же надо затуманиться человеческому разуму, как оржаветь сердцу, чтобы настроилось оно только на чёрные, мстительные дела, ведь их же, великие грехи, надо будет потом отмаливать» (цитирование прерываю, автор ещё вспомнит о средневековых обычаях — и то ещё не всё.)

Эта книга — уникальный случай, когда война описывается простым пешотинцем, «чёрным работником войны», в то время и не предполагавшим, что станет писателем.

Описание днепровской переправы, со всей её беспорядочностью, неясностью, даже противоречиями и невидимостью отдельных движений — жизненно сильно именно своею неразберихой, не охваченной единым общим объяснением. Но оперативный обзор недоступен даже опытному офицеру, и то спустя много времени от события. Также с огромным опозданием, охватным взглядом, Астафьев может написать об этой переправе: «Эти первые подразделения конечно же погибнут, даже до берега не добравшись, но всё же час, другой, третий, пятый народ будет идти, валиться в реку, плыть, булькаться в воде до тех пор, пока немец не выдохнется, не израсходует боеприпасы». Упрекнуть ли автора, что он не показал эту массовидность, как «20 тысяч погубили при переправе»? Зато мы читаем, как телефонист Лёшка, спасая в лодке себя и свои катушки (задание майора протянуть связь по дну реки) — бьёт веслом по головам других, наших тонущих бойцов, чтоб они, цепляясь, не опрокинули бы лодку, не загубили операцию. Никаких и ничьих ахов над свежесрубленными, простой быт. Хотя можно зануть от этого месива от непосредственности пересказа — но всё новые и новые эпизоды, и все правдивы. Между эпизодами нет устойчивой осмысленной связи — так солдату и видны только обрывки событий, тем более не понять ему тактической обстановки.

Разве вот с дощатым баркасом: он загодя нагружен боеприпасами, оружием, его нужно дотолкать до речного острова. «Сотни раз уж было сказано, куда, кому, с кем, как плыть, но всё это спуталось, смешалось» при начале пушечной и пулемётной стрельбы с обеих сторон. Комбат Щусь и его командиры рот натужно-хриплыми голосами гонят: «Вперёд! быстрее! На остров!» И бойцы, пошвырнув на баркас же свою обувь и подсумки, столько ли бредут, плывут и тянут, сколько сами ухватываются за борты. Кто-то кричит, что тонет. Неисповедимым образом баркас всё же достигает острова. Теперь — обогнуть остров и в протоку бы под крутой правый берег! «Но протока была поднята в воздух, разбрызгана, взрывы рвали её дно» — и ещё жидкой грязью наполняли воду. В мокрой одежде тянулись дальше, а немцы сплошно высвечивали протоку ракетами для лучшего обстрела. Кто-то из наших застрял на острове, кто-то уже набегал в трещины правобережных оврагов, а там втискивались в спасительную землю или пытались карабкаться выше. Кто нахлебался воды, кто утопил оружие, а в считанные минуты появились и немецкие самолёты и развешивали жёлтые фонари на парашютах — тут же и советские, высевая трассирующие пули. Хватаясь друг за друга, люди утопали связками.

В этот разгар Астафьев, верный себе, вставляет и проповедное отступление: «Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворённое? Зачем Ты отворотил от них лик свой и оставил сатане на растерзание? Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель... Здесь, на месте гибельном, ответь, за что караешь невинных?

Слеп и страшен суд Твой, отмщение Твоё стрелою разящей летит не туда и не в тех, кого надобно разить. Худо досматриваешь, худо порядок, Тобою же созданный, блюдёшь Ты». (Обращения Астафьева к Богу, по разным его произведениям, не редки, но верующий ли он? Или богоборец? Вспомним тут, как родилось название книги: **п р о к л я т ы — к е м?**)

В. Распутин упрекал Астафьева за эту книгу в «отрицательном патриотизме». И правда, ни один боец у него, ни даже лучшие офицеры о родине ни сколько не думают: в лучшем случае только о своём долге, а бойцы — как уцелеть, где раздобыть еды, ну и выручка своих и похороны. Но в этом и правда. «Дай-ка я пожертвую для родины, рискну для родины» — такого и не бывает.

Закончание переправы и последующие бои на немецком берегу — у Астафьева описаны много и подробно.

Свежи — несколько сценок со штрафниками (и за что попадали в штрафную, по какой случайности дикой). Но хотя есть в книге эпизоды с НКВДистскими *посадками* — они как будто прошли в душах людей беспоследственно. Разве что о сексотах говорят неестественно открыто. И осмысления, что же вносится именно *советским режимом* — почти нет. Собственная биография автора могла же горько научить его? Но ощущения, сколько миллионов к той войне ненавидели советский режим и хотели бы «сдыхаться» от него, — этого *совсем нет*. (Если автор ужасается войне — то только как пацифист, а не как жертва этого режима. Его философия — кажется, анархизм, ни признака государственности.)

Спустя дни — автор описывает нам (советским читателям, к такой правде совсем не привыкшим!) состояние после битвы.

«В реке густо плавали начавшие раскисать трупы с выклеванными глазами, с пенящимися, будто намыленными лицами, разорванные, разбитые снарядами, минами, изрешеченные пулями. Дурно пахло от реки, но приторно-сладкий дух жареного человеческого мяса слоём крыл всякие запахи, плавая под яром в устойчивом месте. Сапёры, посланные вытаскивать трупы из воды и захоранивать их, с работой не справлялись. Зажимая пилотками носы, крючками стаскивали они покойников в воду, но трупы, упрямо кружась, прилипали к берегу, бились о камни, от иного отрывало крючком руку или ногу, её швыряли в воду. Проклятое место, сдохший мир»; а «иногда относя изуродованный труп до омута, на стрежь, там труп подхватывало, ставило на ноги и, взяв руки, вертясь в мёртвом танце, он погружался в сонную глубь». А позже в осень «вода в реке убывала. И оттого обсыхали трупы... Все заливчики, излучины были завалены чёрными, раздутыми трупами, по реке тащило серое, замытое лоскутьё, в котором, уже безразличные ко всему, вниз лицом куда-то плыли мертвецы... Мухота, вороньё, крысы справляли на берегу жуткий свой пир. Вороны выклёвывали у утопленников глаза, обожрались человечиною и, удобно усевшись, дремали на плавающих мертвецах». (А ещё: сапёры начисто ограбляют умерших, обшаривая карманы.)

Через сколько миллионов убитых надо было выжить этому солдату, чтобы вот такое написать нам спустя полвека!

Но есть («День первый», после переправы) и странные бодряческие вставки.

Отдельными главами следуют библейским ритмом: «День Второй», «День Третий», «День Четвёртый», «День Пятый», «День Шестой», «День Седьмой»... Это всё — объём, необозримый здесь.

Что у автора полностью неудачно — это все сценки на немецкой стороне. Ах, лучше б он их вовсе не давал. Ведь не знает, не чувствует, пользуется вторичными карикатурными описаниями из советской публичности. Фальшивая придумка так и прёт, это только увеличивает общий разболт и развал повествования. Зачем-то берётся рассказывать ещё и предвоенные истории некоторых немецких солдат — ну, совсем уж поверхностно, из каких-то читанных обрывков. Доходит до языка противонемецких газетных разоблачений того военного времени, почти до «Крокодила». Так он, многими полосами, теряет вкус, чувство меры. Даже и генерала немецкого берётся описывать — ну, уже из рук вон. (А когда возвращается на русскую сторону — какое сразу оживление и осмысленность.)

Астафьев х о ч е т высказать всю правду о войне, но в раскрытие её не поднимается до верхов государства и не опускается до глубины причин. Его раздражение, местами немалое, остаётся на уровне политруков, их лозунгов и их поведения. Высмеивание политруков и их болтовни — местами балаганно, нестрашно. Вот правдивая сцена: как не знающий себе границ коммиссар дивизии Мусёнок издевается над измученными, едва спасёнными на плацдарме офицерами. Капитана Щуся, полумёртвого, заставляет подняться с койки, чтобы слушать разнос. (Потом намёкнуто нам, что Щусь необъяснимым путём взорвал Мусёнка — и даже не заподозрен.)

Правдоподобно добавлен и совестливый политрук Мартемьянов, который стыдится своей должности и роли.

Тон. — Странно не подходит к такому грозному сюжету — авторский тон, часто с ненужным или даже бесцельным задором. Есть немало попыток — юмора (для облегчения читателю?). Но юмор какой-то усиленный, искусственный. (И сам в диалоге отзывается: «ты юмором меня не дави», «не до юмора сейчас».) Избыточно много дешёвого, несмешного солдатского балагурства — в ущерб всяким глубоким чувствам, будто у солдат их нет и в минуты великой опасности. Зубоскальное пустоплётство, паясничанье — и не смешное, да даже и невозможное при той *оглушённости*, которая более всего бывает при mnogой стрельбе и острой опасности. — А вот и от самого автора: о таком крупном событии, как гибель нашего воздушного десанта, — принятие критического тона без внятия в суть.

А при этом же иногда — совсем внезапно, диссонансом, ничем не подготовлено, у Астафьева вырываются патетические моления. И они как раз

удаются ему, ибо идут от сердца. «Боже милостивый! Зачем Ты дал неразумному существу в руки такую страшную силу? Зачем Ты, прежде чем созреет и окрепнет его разум, сунул ему в руки огонь?..»

А и так: «Благословен будь, Создатель небесный, оставивший для этой беспокойной планетки частицу тьмы, называемую ночь. Знал Он, ведал, стало быть, что его чадам потребуется время покоя для того, чтобы подкопить силы для творения зла, опустошения, истребления, убийств. Будь всё время день, светло будь — все войны давно бы закончились, перебили бы друг друга люди. Некому стало бы мутить белый свет».

Офицеры друг друга неторопливо называют по именам-отчествам, как в воюющей армии почти не бывает. Диалоги между офицерами — неживые, да их и мало.

Язык — богатый. Астафьев с лёгкостью подхватывает многообразнейшие слова, и сколько среди них нерядовых, самых свободных и ярких. Много солдатского жаргона. Грубые формы слов многочисленны, но естественны. (Однако ругательств хватило бы и поменьше.)

Утомляет привычка Астафьева к многократным повторениям, как только надо напомнить о персонаже (об одном, ну до 20 раз: «у бар борода не бывает», о другом, не намного реже: «горный бедняк»). В авторской речи неосмотрительно срывается иногда то в казённость, то в «культурность» («интеллектуально», «ограниченный в культурном смысле»). Допускает стандартные выражения или из официальных военных сводок: «перешла к жёсткой активной обороне»; «обескровленная непрерывными боями»; «империалистическая война» (Первая Мировая).

Та битва на Днестре описана в книге (автор не нашёл иного слова как «роман») обильно, во многих днях, в стычках на плацдарме, а были и ещё две дневные переправы. Как из необъятного мешка высыпано на нас множество и множество самых разнообразных эпизодов, но не в едином смысловом сцеплении — собственно боевых, и политически напряжённых (столкновения с политруками), и житейских, личных. Все они — ярко реальны и пропитаны накопленной горечью, не для каждого читателя увлекательны отнюдь, пропускаю, что многие и пропускают, не все услеживают этот кровавый труд.

А жаль! Ой не все, не все вполне представляют, могут ощутить свирепый воздух той Войны: многое заглажено и временем, и лгунами.

Астафьев — пусть лишь к старости своих годов, пусть без стройной конструкции, пусть в переменном уровне и тоне — эту правду нам выдвинул.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Немзер. К ЧИТАТЕЛЮ	5
---------------------------------	---

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ:

Из наследия АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Александр Солженицын. Из «Литературной коллекции»	8
Николай Лесков	11
Виктор Астафьев	25

*Публикация, подготовка текстов, предисловие
и примечания Н.Д. Солженицыной*

«Открытую почту нам Москва обрubiла в оба конца...»:

Из переписки Александра Солженицына

<i>и Лидии Чуковской (1974–1977) . . . . .</i>	47
--	----

*Публикация, подготовка текстов и комментарии
Е.Ц. Чуковской и Н.Д. Солженицыной,
вступительная заметка Е.Ц. Чуковской*

СТАТЬИ, ДИСКУССИИ, ВОСПОМИНАНИЯ

А.С. Немзер. Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом»	101
И.Е. Мелентьева. Солженицын читает Лескова	118
Б.Н. Любимов. «Пир победителей» на сцене Малого театра: <i>Из истории постановки . . . . .</i>	135
Л.А. Колобаева. «Река, впадающая в пески»?: <i>Художественные прогнозы Александра Солженицына («Раковый корпус») . . . . .</i>	147
А.Д. Шмелев. Скобки у Солженицына	167
Э.-Б. Вахтель. «Один день...» пятьдесят лет спустя.	184
<i>Авторизованный перевод с английского Н.П. Гринцера</i>	

«Солженицын: Мыслитель, историк, художник»:
Круглый стол 198
Ведущие: В.А. Москвин, О.Б. Василевская
Выступления: Н.Д. Солженицына, Э.Э. Эрикссон, мл., А.С. Немзер,
Н.П. Гринцер, Л.И. Сараскина, П.Е. Спиваковский, И.Б. Роднянская,
Б.Н. Любимов, Р.А. Гальцева, А.Е. Климов, П.Г. Проценко,
И.Е. Мелентьева

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Н.Д. Солженицына. О премии
Введение 251
Из истории: *Интервью еженедельнику «Книжное обозрение»* 252
Устав 257
Лауреаты (1998–2010) 259
Книжная серия 262
Премия 2011
Решение жюри 263
Церемония награждения 263
Ведущая: Н.Д. Солженицына
Выступления: Л.И. Сараскина, П.В. Басинский, А.А. Авдеев,
Е.В. Иванова, М.В. Сеславинский, Н.В. Каверин, Е.Ц. Чуковская
Премия 2012
Решение жюри 287
Церемония награждения 287
Ведущая: Н.Д. Солженицына
Выступления: П.В. Басинский, В.О. Отрошенко, М.А. Анашкевич,
О.О. Павлов

ХРОНИКА

Раздел подготовлен Г.А. Тюриной

Издания произведений А.И. Солженицына 303
Литература о творчестве А.И. Солженицына 305
Фильмы, интервью 307
Конференции, симпозиумы 308
Выставки 313
Музеи 317

Произведения А.И. Солженицына в искусстве	318
Семинар, посвященный трудам и дням писателя	319
In memoriam	319

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ

Лотман и Солженицын: Воспоминания, письма, дарственные надписи.

<i>К 90-летию со дня рождения Ю.М. Лотмана и 50-летию публикации «Одного дня Ивана Денисовича» .....</i>	<i>321</i>
<i>Ю.М. Лотман. [Из «Не-мемуаров»] .....</i>	<i>323</i>
<i>Письма, дарственные надписи .....</i>	<i>326</i>
<i>Публикация, подготовка текстов, предисловие и примечания Г.А. Тюриной</i>	

ОБ АВТОРАХ	333
SUMMARY	335
CONTENTS	339

Солженицынские тетради: Материалы и исследования : [альманах].
С-60 Вып. 1 / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына ; [гл.
ред. А.С. Немзер]. — М. : Русский путь, 2012. — 344 с. : ил.

ISBN 978-5-85887-420-1

Ежегодный альманах «Солженицынские тетради» призван способствовать общению профессиональных исследователей жизни и творчества писателя и его заинтересованных читателей. Альманах представляет неопубликованные тексты из наследия А.И. Солженицына, документы, связанные с жизнью и работой писателя, мемуары о нем и его эпохе, исследования, посвященные конкретным произведениям, их взаимосвязям, логике творческого пути писателя, его месту в литературе и культуре, роли в истории XX столетия и той истории, что творится сегодня.

В этом выпуске впервые публикуются очерки писателя из «Литературной коллекции» (о Н.С. Лескове и В.П. Астафьеве), фрагменты переписки А.И. Солженицына и Л.К. Чуковской (1974–1977). Хроника происходящего в солженицынском пространстве включает информацию о значимых изданиях книг писателя, новинках исследовательской и учебной литературы, конференциях, выставках, спектаклях, фильмах, очередных решениях жюри Литературной премии Александра Солженицына. Издание иллюстрировано репродукциями рукописей и фотоматериалами.

УДК 82.0
ББК 84(2Рос)6 + 83.3(2Рос)6

Литературно-художественное издание

Солженицынские
ТЕТРАДИ
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

1

Редактор: *О.Б. Василевская*

Расшифровка стенограмм: *Т.Ф. Приходько, Л.А. Эпиктетова*

Корректор: *О.А. Савичева*

Верстка: *Л.А. Фирсова*

Подписано в печать 21.10.2012. Формат 70x100/16.

Тираж 3000 экз.

ЗАО «Издательство «Русский путь»»

109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-47

E-mail: info@rp-net.ru

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6

ISBN 978-5-85887-420-1

9 785858 874201 >